

ОПЫТ ВОЙНЫ СОВЕТСКИХ ФИЛОСОФОВ

EXPERIENCE OF THE WAR OF SOVIET PHILOSOPHERS

А.Ю. Коробов-Латынцев
начальник кафедры гуманитарных дисциплин, к.филос.н.
ГОУ ВПО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище»,
A.Yu. Korobov-Latyntsev
Donetsk Higher Combined Arms Command School

***Аннотация.** Поскольку философия с древних времен испытывала интерес к войне не только как к теоретической теме, но и как к экзистенциальному опыту, уместно рассматривать философию войны не только как теорию, но и как конкретное соучастие философа в событии войны. Это соучастие имеет разные форматы: отклик на событие войны в публицистике, поездки на театр боевых действий в качестве корреспондента, санитаря, добровольца и т.д. В Великую Отечественную войну советские философы получили непосредственный опыт участие в войне в качестве комбатантов. В статье рассматривается военный опыт таких представителей советской философии, как А.А. Зиновьев и Э.В. Ильенков.*

***Ключевые слова.** Философия войны. Советская философия. Опыт войны.*

***Annotation.** Since ancient times, philosophy has been interested in war not only as a theory, but also as a practice, personal experience. Therefore, one can consider the philosophy of war not only as a theory, but also as an experience of the participation of a philosopher in a war. There are different formats for the participation of a philosopher in a war. During the Great Patriotic War, Soviet philosophers gained experience of personal participation in the war as combatants. The article examines the military experience of such Soviet philosophers as A.A. Zinoviev, E.V. Ilyenkov and A.V. Gulyga.*

***Key words.** Philosophy of War. Soviet philosophy. War experience.*

В Великую Отечественную войну ушли на фронт многие философы. Значительная часть сотрудников Института философии ушла на фронт. Оставшиеся же сотрудники Института ориентировались на военную тематику [1, с. 10], создавали, как пишет исследователь этого вопроса Корсаков С.Н., «мирные» военные сюжеты» [1, с. 180].

В самом начале войны ушел на фронт Теодор Ильич Ойзерман. Поскольку он к тому времени уже защитил диссертацию, то как кандидат наук он был сначала отправлен в офицерскую школу, а после окончания ее служил инструктором политотдела дивизии ПВО, т.е. работал политруком. С 1943-го года Ойзерман воевал на Воронежском фронте, потом – служил в пехотной части 6-й армии на Украинском фронте, воевал в Польше и Германии, был контужен во

время боёв на Курской дуге. После войны еще некоторое время служил под Веной. Награжден орденом Красной Звезды и Отечественной войны второй степени. В 1946 году демобилизовался и вернулся к преподавательству. Вскоре после войны защитил докторскую диссертацию, был научным руководителем кандидатской диссертации Э.В. Ильенкова. Его аспирантами были П.П. Гайденко и М.К. Мамардашвили.

Успел повоевать Михаил Лифшиц, который вырос на Первой Мировой, а затем Гражданской войне в России. Лифшиц был призван с самых первых дней войны на флот. Он будет служить в Пинской военной флотилии, которая обороняла Беларусь в 1941-ом. Эта флотилия будет биться на реках Припять, Березина, Днепр, будет оборонять Киев, будет обеспечивать переправу наших войск через Днепр, а после отступления флотилия будет взорвана, а моряки будут сражаться в составе сухопутной группировки. Лифшиц будет выбираться из окружения через немецкий тыл, будет ранен, затем захвачен немцами, его, как еврея, приговорят к расстрелу, но философу удастся бежать, и он все-таки доберется до своих. Затем Лифшиц – литработник, он работает в отделе печати Народного комиссариата Военно-Морского Флота. С Флотом будет связана и его преподавательская деятельность – в 44-ом он будет назначен старшим преподавателем по литературе в Военно-морское политическое училище ВМФ в Ленинграде, затем будет преподавать в Военно-морской ордена Ленина академии им. К.Е. Ворошилова. В 1946 году Лифшиц будет награжден Орденом Красной Звезды и уволен в запас в звании капитана. О войне философ почти не рассказывает, в текстах его военный опыт, кажется, не отражается вообще.

Воевал Михаил Константинович Петров (1923 – 1987), советский специалист по философии языка, по античной философии, причем Петров не просто воевал, а был разведчиком. С этим фактом связан недостаток источников о его роли в войне: многие материалы до сих пор еще засекречены. С 1941 года Петров находился в рядах действующей армии на Ленинградском фронте. За участие в боевых действиях философ имел правительственные награды. В 1944 году его командируют на учебу в Военный институт иностранных языков, который готовил кадры в том числе и для разведработы за границей. Петров будет специализироваться на выполнении спецзаданий в Греции. Знание греческого языка после войны позволит ему обращаться к оригиналам греческих философских текстов. После войны его будет ждать работа сначала в Ростовском артиллерийском училище, затем аспирантура в институте философии АН СССР, где он сойдется с Эвальдом Ильенковым, Мерабом Мамардашвили и Юрием Давыдовым.

На сайте ИФ РАН есть раздел, посвященный Ветеранам Великой Отечественной войны и труда, из Института философии – там 123 имени.

Рассмотрим коротко военный путь двух представителей советской философии: Эвальда Васильевича Ильенкова и Александра Александровича Зиновьева.

Известный советский философ и знаток Гегеля, талантливый педагог, работавший со слепоглухонемыми детьми и обучавший их коммуникации, причем так, что многие из них получали научные степени, - Эвальд Васильевич Ильенков был призван в Красную Армию в 1942 году. Ильенкову тогда 18 лет, он уже студент философского факультета Московского института философии и литературы. Его направляют в Одесское артиллерийское училище им. М.В. Фрунзе (в поселке Сухой Лог, Свердловская область). После окончания училища младший Гвардии лейтенант Ильенков отправляется на Западный фронт. Он пройдет войну до самого Берлина. Молодой Ильенков, будущий известный советский философ, будет командовать артиллерийским взводом, будет принимать участие в боевых действиях на Сандомирском плацдарме, захват которого позволит начать наступление на Польшу и затем на Германию. За участие в боях Ильенков получит орден Отечественной войны 2-ой степени.

Мих. Лифшиц напишет об Ильенкове-офицере так: «...со своей пушкой Ильенков дошел до Берлина. В философских занятиях он также не искал внутреннего комфорта, а служил общему делу, хорошо понимая при этом свою личную миссию» [2, с. 5]. Сам Ильенков о войне писал мало, и темой его философских раздумий война не была, но как пишет исследователь его творчества В. Пихорович, «вряд ли можно сомневаться в том, что война сыграла огромную роль в формировании личности Ильенкова, стала той практикой, той «совместно-разделенной деятельностью», которая сделала Ильенкова таким, каким мы его знаем, сформировала его характер, чувства, отточила его ум» [3]. На войне Ильенков философствует, делает для себя открытия, радуется и страдает, живет.

Сохранились военные фотографии Ильенкова. На одной из них молодой лейтенант Ильенков на развалинах Рейхстага. Знаменателен факт, что после взятия Берлина молодой философ отправляется к могиле Гегеля. «Великая война, - пишет Алексей Цветков, - была для него вооруженным конфликтом левого и правого гегельянства, и у надгробия он поблагодарил философа (Гегеля. – прим. АКЛ) за то, что наше гегельянство оказалось надежнее и подняло над немецкой столицей свой флаг, а не наоборот» [4, с. 352]. Между боями Ильенков читал гегелевскую «Феноменологию духа»...

Ильенков заслужил два ордена и медали. Друзья философа говорили, что сам Ильенков был человеком очень мирным, и не просто мирным, но с обостренным чувством мира. Ученик его С.Н. Мареев вспоминал, что увидел однажды в Институте философии Ильенкова плачущим. На вопрос, не умер ли кто, философ ответил: нет, китайцы напали на Вьетнам.

С фронта Ильенков писал трогательные письма девушке, которую звали Ирина. Эти письма опубликованы в книге «Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков (Книга – диалог)». Приведем строки из второго фронтового письма Ильенкова к возлюбленной: «День и ночь – огонь. Снаряды, скрипуны, пули. Мы лазим по траншеям, сырым, мокрым, холодным, живем в ящиках, глубоко под землей. Пушки наши, зарытые в землю, стоят, спрятав свои длинные стволы в высохшую траву и ждут тигров, пантер, и прочих зве-

рюшек. На нашем участке этих чудовищ уже неделю нет. Они рычат все где-то в стороне. Так и течет жизнь моя, под землей, под несмолкаемую музыку, какой больше ни в одном концерте не услышишь» [5, с. 86].

Об окончании войны Ильенков напишет так: «...сейчас передо мной - картина крушения огромного государства, по величию не имеющая себе равных... Припоминается финал «Гибели богов» Вагнера...» (письмо от 13 марта 1945 г.).

В августе 45-го Ильенкова командируют в артиллерийский отдел газеты «Красное звезда». Там он будет работать до 1946 года, до своей демобилизации из советской армии.

Александр Зиновьев, всемирно известный логик и социолог, автор нашумевшего романа «Зияющие высоты», за который был изгнан из СССР, также принимал участие в войне, причем успел он повоевать в самых разных родах войск. Зиновьев прошел путь от кавалерии до авиации, от рядового до офицера. В армии он был с восемнадцати до двадцати четырех лет. Про свои армейские годы он вспоминал потом, что, изучив опытным путем досконально все аспекты армейской жизни, он использовал эти знания затем для изучения специфических коммунистических отношений. В 1946 году Зиновьев демобилизуется и вернется на философский факультет, откуда его отчислили перед войной за антисоветские высказывания.¹

Уход в армию и затем на фронт был для молодого философа спасительным. Ему грозил арест и расправа за антисоветскую пропаганду. 29 октября 1940 года (в свой день рождения) измученный от преследования и от страннической жизни Зиновьев пришел на сборный пункт. Зиновьев вспоминает, что одежда его была в таком состоянии, что он тут же выбросил её, получив военную. Всех призывников в тот же день погрузили в товарные вагоны и повезли на Дальний Восток, в Приморский край.

Зиновьев вспоминает: помимо того, что армия давала ему спасение от преследований, была еще одна причина, по которой он пошел служить, – «это то, как армия изображалась в книгах, фильмах, пропаганде и рассказах тех, кто отслужил свой срок» [6, с. 163-164]. Как видим, у молодого и голодного философа были и романтические ожидания от службы в армии.

Зиновьева взяли в особый эскадрон, как он пишет, «с расчетом на то, что в течение двух лет из нас подготовят младших лейтенантов запаса» [6, с. 166].

¹ Дело в том, что в сталинские годы Зиновьев был ярким антисталинистом, даже носил в голове планы покушения на Сталина, а когда Сталин умер, то Зиновьев, как он сам пишет, не был этому рад, потому что его антисталинизм терял теперь смысл. «Исчез мой эпохальный враг» - так Зиновьев напишет в своей «Исповеди отщепенца». Зиновьев также говорил, что критиковать Сталина сегодня – это все равно что критиковать сегодня Чингисхана или Македонского, и прибавлял, что пусть сегодняшние критики Сталина попробовали бы покритиковать его в его собственное время. «Я был антисталинистом, - пишет Зиновьев в своей Исповеди отщепенца, - но я счел бы оскорблением для себя, если бы меня зачислили в одну категорию с нынешними антисталинистами» // Зиновьев А.А. Исповедь отщепенца. – М.: Вагриус, 2005. С. 252

Зиновьев заявит себя как один из лучших бойцов эскадрона. Но через несколько месяцев службы в Приморском крае полк расформируют, погрузят в эшелон без коней и повезут на запад страны – война будет уже совсем близко. Это спасет Зиновьева, который за считанные месяцы службы в Приморском крае успел найти себе неприятности. Один товарищ его, с которым он сблизился и вел откровенные разговоры о своих взглядах на советский строй, донес на него. Зиновьева вызвал к себе политрук и попросил подробно расписать свою автобиографию, начиная со школы и кончая службой в армии, это было нужно якобы для того, чтобы представить Зиновьева к званию ефрейтора, а для этого в его биографии не должно было быть темных мест. А у Зиновьева такие места как раз были, ведь его отчислили из университета без права поступления вновь, он сбежал от преследования сначала к себе в родную деревню, а когда его почти достали и там, он ушел служить в армию. Без сомнения, темные места биографии будущего философа вскрылись бы, и тогда его ждали или лагеря, или расстрел. Но его спасло расформирование полка и то, что его с сослуживцами повезли к западу страны, на Украину.

Зиновьев затем напишет, что он чувствовал себя как рыба в воде в обстановке военных лет [6, с. 180], более того, когда война окончилась, он сожалел об этом.

На войне Зиновьев показал себя героем. С началом отступления было приказано оставлять прикрытие. Это значит, что те бойцы, которые будут прикрывать отступавшие части, скорее всего, погибнут. Добровольцами вызвались несколько человек, и в их числе Зиновьев. «Мы, оставшиеся прикрывать отступление части, приготовились сражаться до последнего патрона и достойной умереть» [6, 184]. Зиновьев пишет, что это было совершенно искреннее решение.

Интересно замечание Зиновьева о своем психологическом состоянии во время первого боя при прикрытии отступления. Философ пишет, что он начал стрелять так, как будто он был старым и опытным солдатом, привыкшим убивать. Как человек, который прошел войну до самого конца, Зиновьев, конечно, убивал. Он сам пишет об этом. Однажды он участвовал в уничтожении группы немецких автоматчиков, которые оторвались от своей части, и штыком заколол врага. О своем психологическом состоянии в этот момент А.А. пишет так: «Произошло это так быстро, что мы просто не имели возможности испытать все те психологические переживания, которые так подробно и вроде бы со знанием дела описывали писатели» [6, с. 184]. При этой операции Зиновьев был ранен в плечо. Он пишет, что был рад тому, что был по-настоящему ранен. И что по-настоящему уцелел (потому что ему даже не перевязали плечо, об отправлении в госпиталь дело и вовсе не шло).

Зиновьева еще во время призыва на медицинской комиссии признали годным для авиации. В самый критический момент войны его отправили в авиационную школу. 1942–1944-й годы он проведет там. Как напишет сам философ, летал он вполне прилично. Летал на штурмовике ИЛ-2. «Это была машина замечательная» - будет вспоминать философ в 1988-ом году.

«Участие в боях делало нас исключительными личностями, - пишет военный философ, - уклонение же от этого каралось презрением» [6, с. 194]. Зиновьев с удовольствием принимал участие в боевых вылетах. В один из вылетов Зиновьева подбили. В машине его насчитали более тридцати пробоин. «Настроение было праздничным, приподнятым» [6, с. 195]. Про это боевое время Зиновьев затем вспоминал, что оно было «одним из самых лучших» в его жизни [6, с. 194].

Победу Зиновьев встретил в Чехословакии. За участие в боевых действиях против Германии философ был награждён орденом «Красного Знамени» №2095519 (Приказ 6 гвардейской штурмовой авиационной дивизии № 014/11 от 30 апреля 1945) и медалями «За победу над Германией» (9 мая 1945), «За взятие Берлина» (9 июня 1945) и «За освобождение Праги» (9 июня 1945).

Военные впечатления легли в основу многих глав будущих книг Зиновьева — «Зияющие высоты», «В преддверии рая», «Нашей юности полёт».

Фокин, биограф Зиновьева, в своей книге о философе приводит воспоминания друга Александра Александровича Марка Зальцберга: «Вот эпизод нашей встречи с Александром в Мюнхене в 1991 году. Сидим мы в знаменитой мюнхенской пивной Hofbrau (не знаю, точно ли написал название. Мой немецкий не ах-ти какой). Подходит пожилой немец со шрамами на лице и вежливо спрашивает разрешения присесть за наш столик. А.А. с отвращением говорит «bitte». Немец слышит, что мы говорим по-русски, и спрашивает, кто мы, откуда и т.п. Мы вежливо отвечаем, но я вижу, что А.А. постепенно накаляется. А немец вдруг спрашивает: «Что вы делали во время войны?». И тут ещё оркестрик кстати заиграл «Horst Wessel». И Александр, глядя ему в глаза, с наслаждением говорит: «Я немцев убивал во время войны». Немца смыло так, что мы и не поняли, куда он девался! Я спрашиваю Александра: «Это Вы с ними всегда так?» - «Я их ненавижу, а этот, судя по шрамам, может быть, в меня стрелял!» - был ответ, и я понял, как тяжело ему жить в ненавистной стране» [7].

Уже состоявшись как оригинальный мыслитель, Зиновьев обратится к осмыслению войны как события. Он будет осмыслять войну не в метафизическом и историсофском русле, как это делали Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и другие русские религиозные мыслители, но, скорее, в социологическом. При этом Зиновьев будет подчеркивать, что он касается темы войны лишь как фактора своей личной жизни, как фактора его личного эксперимента и фактора в его личном понимании и исследовании советского общества. Зиновьев будет стараться определить социальный тип страны. Если Первая Мировая была войной между однотипными с социальной точки зрения государствами, то Вторая Мировая война была социально неоднородной [8, с. 123]. Причем Зиновьев пишет, что относительно её социального характера сложилась целая традиция умолчания. Вторая Мировая, пишет Зиновьев, была войной между капитализмом и коммунизмом: «Война гитлеровской Германии против Советского Союза была, по существу, попыткой стран Запада раздавить коммунистическое общество в Советской Союзе. Причем это не была война одинаково виновных с точ-

ки зрения её развязывания партнеров. Инициатива исходила со стороны Запада хотя бы по той причине, что Советский Союз к войне подготовиться не успел» [6, с. 208]. Вторая Мировая показала, считает Зиновьев, что коммунистический строй способен удерживаться при невероятных трудностях, выдерживать эпохальные катастрофы. Коммунизм есть строй, «как будто специально приспособленный для самосохранения страны в условиях грандиозных трудностей и для преодоления их» [6, с. 208]. По сути дела, это один из главных выводов Зиновьева по войне. Впрочем, не единственный. Были и многие другие выводы, и многие другие мысли, родившиеся у Зиновьева из войны, на войне, по поводу войны, и на фоне войны. Из армии философ возвращается, как он сам пишет, с чемоданом рукописей. И с бесценным экзистенциальным опытом, без сомнения, определившим во многом его послевоенное философское творчество.

Известно, что к окончанию войны директор института философии АН СССР направил в ЦК список из 27 человек, философов, которых он просил демобилизовать из армии для работы в Институте. Причем не все военные начальники хотели отпускать своих бойцов. «Советские философы оказались хорошими воинами» [9, с. 153].

Двум из них, военный путь которых рассмотрен коротко в статье, философ Эрих Соловьев посвятит в 1999 году стихотворение «Шинель», где рассказывается о том, как в раздевалке философского факультета появились вдруг две военные шинели – «шинели Эвальда и Сашки», из которых затем вышло целое поколение советских философов:

*...Внутри марксистской цитадели
До диссидентства диссиденты
С тех пор, как вышли из шинели –
Шинели Эвальда и Сашки.*

Библиографический список:

1. Корсаков С.Н. К 70-летию Великой Победы: философия и философы в году Великой Отечественной войны. М., 2016.
2. Лифшиц Мих. Памяти Эвальда Ильенкова //Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал: Избр. Статьи по философии и эстетике / Вступ. статья Мих. Лифшица. – М.: Искусство, 1984.
3. Пихорович В. Зарисовка к военной странице биографии Э. В. Ильенкова [Электронный ресурс] URL: <http://propaganda-journal.net/693.html>. Дата обращения: 20.05.2021
4. Цветков А. Марксизм как стиль. – М., 2016.
5. Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков (Книга – диалог). – М., 1997.
6. Зиновьев А.А. Исповедь отщепенца / Александр Зиновьев. – М.: Вагриус, 2005.

7. Павел Фокин: Александр Зиновьев и Германия. [Электронный ресурс]. Режим доступа:]<http://zinoviev.info/wps/archives/2434>. Дата обращения: 10.05.2021.

8. Коробов-Латынцев А.Ю. Философия войны в СССР // Феномен войны в историческом процессе: междисциплинарный дискурс. Материалы Международной заочной научно-практической конференции. Науч. редактор В.Н. Асочакова, отв. редактор М.Г. Степанов. 2020. С. 121-125.

9. Коробов-Латынцев А.Ю. Философ и война. О русской военной философии / А.Ю. Коробов-Латынцев. – М.: Издательский дом «Русская философия», 2020. – 230 с.

УДК: 623.43

СИСТЕМА ТАНКО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

TANK SUPPORT SYSTEM DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

И.Ю. Лепешинский
профессор военного учебного центра, к.пед.н., доцент
Т.А. Лепешинская
заведующая подготовительными курсами, к.и.н.
Д.Г. Лаломов
заместитель директора Института военно-технического образования по
воспитательной и военно-патриотической работе
ФГБОУ ВО «Омский государственный технический университет»,
I. Y. Lepeshinsky
T. A. Lepeshinskaya
D. G. Lalomov
Omsk State Technical University (OmGTU)

Аннотация. В статье рассматривается система танкотехнического обеспечения советских войск в период Великой Отечественной войны и ее влияние на ход боевых действий в первоначальный период войны.

Ключевые слова. Танкотехническое обеспечение. Война. Танк.

Annotation. The article deals with the system of tank technical support of the Soviet troops during the Great Patriotic War and its impact on the course of combat operations in the initial period of the war.

Key words. Tank technical support. War. Tank.

Большое значение в ходе организации боя придавалось восстановлению и ремонту боевых машин, проведению мероприятий по их эвакуации, привлечению к ним ремонтных и эвакуационных частей. Известно, что успех в бою всегда будет сопутствовать тому, кто обладает высокими морально-боевыми, про-